

А. П. НЕПОКУПНЫЙ

БАЛТО-СЕВЕРНО СЛАВЯНСКИЕ АРЕАЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ

„Лес“ и „поле“ в названиях пространства вне дома (двора), диких птиц (животных) и охоты

0. Еще в начале столетия Я. Розвадовский, говоря о существенных различиях между балтийскими и славянскими языками в области лексики, указал, в частности, на *mēdis: *dervo*, *lēsъ* и *laũkas: polje*¹. Почти одновременно К. Буга указывал на связь между балт. *medžias (mežs)* и финск. *metsä* „лес“².

Тем не менее взаимоотношение этих слов, в особенности производных от них, не с лексической, а с семантической точки зрения представляет значительный интерес для изучения балто-славянских и шире — балто-славяно-финских отношений, на что впервые, как кажется, обратил внимание К. Буга, ставя в частичную взаимосвязь с ответом на эти вопросы и решение проблемы о прародине балтийских и славянских народов³.

1. 1. Вопрос о названиях пространства вне дома частично исследован Й. Зубатым, который указал и подробно рассмотрел связь слав. *вънѣ, въпъ* и древнеинд. *vānam* „лес“, предположению о которой, по его мнению, „ни с фонетической, ни с морфологической стороны ничто не препятствует“⁴. „Со стороны семасиологической, — писал он, — мы должны были бы пред-

¹ J. Rozwadowski, O pierwotnym stosunku wzajemnym języków bałtyckich i słowiańskich, — RSI V (1912) 16.

² К. Būga, RR I (1958) 550. В настоящее время как по фонетическим, так и ареальным соображениям такое мнение не поддерживается. См., в частности, К. Aben, Eesti ja liivi laene läti sõnavaras, — Emakeele seltsi aastaraamat, III, Tallinn, 1957, 200; Y. H. Toivonen, E. Itkonen, A. J. Joki, Suomen kielen etymologinen sanakirja, II, Helsinki, 1958, 343.

³ К. Būga, RR I 546—547.

⁴ См. J. Zubatý, Slov. *вънѣ, въпъ*, — Zbornik u slavu Vatroslava Jagića, Berlin, 1908, 398 и сл. (статья перепечатана в изд.: его же, Studie a články, I, 2, Praha, 1949, 195-199). К этому мнению присоединился также М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, I, Москва, 1964, 328.

полагать, что слав. *вънѣ*, *вънъ* возникло... для выражения понятий, противоположных понятию дома, и что оно возникло в эпоху, когда вне дома (с относящимся к нему двором, полем и т. д.) главным образом были леса. Если мы примем во внимание большúю древность слов *вънѣ*, *вънъ*, вытекающую из того обстоятельства, что они являются общеславянскими, то ничто не препятствует и этим (т. е. семасиологическим — А. Н.) предположениям⁵.

Действительно, гипотеза Й. Зубатого о том, что первоначальным значением слав. *вънѣ*, *вънъ* было „в лесу“, „в лес“ может быть типологически подтверждена на материале современных говоров эстонского языка (см. ниже), однако следует иметь ввиду, что известный „переход в значении от „леса“ к „полю“ (через „прогалину, просеку“)⁶ мог существовать уже как результат в общеслав. *вънѣ*, *вънъ*. По-видимому, наряду с тем значением, которое предполагал Й. Зубаты, для слав. *вънѣ*, *вънъ* следует указывать также как возможный вариант и толкование „на поле“ (в смысле „где“ и „куда“). И в этом отношении для рассматриваемых славянских форм были бы наиболее близкими не лит. *laukė*, *laũkas*,⁷ а непосредственно славянские, на что указал В. Махек⁸. В частности, в области северославянских языков такое явление отмечено в южнопольских говорах. Например: *I pošli na pole, przepzagli kobyły i zaś siedli za stół i pili aż było ćma na polu aj w głowie* (пов. Цешин)⁹.

Об этом явлении писал К. Нитш, характеризуя его как архаическую особенность краковской речи: *na pole (wyjść)*, *na polu (zimno)*, тогда как в Варшаве и Познани говорят: *na dwór*, *na dworze*¹⁰.

Do poľa, *na polu* в этом же значении известно и в непосредственно прилегающим к этой территории так наз. ляхских говорах чешского языка¹¹.

Итак, в выражении понятия „пространство вне дома“ наблюдается полная аналогия между балтийскими языками и южными говорами польского (а также смежными с ними — чешского) языков.

При этом интересно отметить, что если Й. Зубаты, развивая эту идею, тогда же писал, что „первоначального значения... синонимов *ogė*, *ógan*...

⁵ Там же.

⁶ E. Fraenkel, *Litauisches etymologisches Wörterbuch*, I, Heidelberg, 1962, 344.

⁷ J. Zubatý, указ. соч., 397.

⁸ V. Machek, *Etymologický slovník jazyka českého a slovenského*, Praha, 1957, 561.

⁹ K. Nitsch, *Wybór polskich tekstów gwarowych*, Warszawa, 1960, 37.

¹⁰ Его же, *Wybór pism polonistycznych*, II, Wrocław — Kraków, 1955, 216. Выражения этого типа принадлежат даже к числу „высмеиваемых“, хотя в свое время именно так говорил и уроженец Кракова Я. Розвадовский, слывший „первоклассным стилистом“ (K. Nitsch, *Worki z maķi — skrzynie spod towarów* (1950), — там же, 264).

¹¹ V. Machek, указ. соч., там же.

мы, к сожалению, не знаем (лит. *oras* значит „воздух, погода“ и т. п.), но очевидно оно было также более конкретным, чем формальное „наружу, вне“¹², то уже Э. Френкель, относя ряд *oras, ore...* к одному гнезду слов с лит. *arti* и т. п., прямо указывает на значение „Ackerfeld“ и приводит при этом алб. *arë* „Acker“¹³, т. е. *ore, oran* по своему исходному значению тождественно *lauke, laukan*.

Таким образом, для выражения понятия „пространство вне дома“ в балтийских и славянских языках употребляются лексемы со значением „поле“, а не „лес“. Последнее известно в латышском языке только в одном специфическом выражении *meža iet* „идти по своим надобностям“¹⁴, в чем обнаруживается сходство с эстонским *metsa minema* („то же“)¹⁵ в отличие от литовского *eiti laũk* („то же“)¹⁶.

Искомое противопоставление (лес — поле) в смежных балто-славяно-финских областях оказывается полным, т. е. реально выступают оба его члена, в том случае, когда речь идет о различии „между домом (в широком смысле, включающем двор) и лесом (полем)“¹⁷.

Авторы исследования о славянских семиотических системах, анализируя противопоставление дом — лес в общем плане как „более конкретную разновидность, противопоставляется свой — чужой“, или „противопоставление освоенного человеком, ставшего его хозяйством, неосвоенному им“¹⁸, не выделяют дальнейшей антитезы „лес“ и „поле“, находя главным образом жанровую противопоставленность между ними¹⁹.

Непосредственно для данного разыскания значительный интерес представляет указание на то, что „в ряде мест, в частности, в восточном Полесье“

¹² J. Zubatý, указ. соч., 396–397.

¹³ E. Fraenkel, указ. соч., 518.

¹⁴ K. Mülenbachs, *Latviešu valodas vārdnīca*, II Rīgā, 1925–1927, 611.

¹⁵ F. J. Wiedemann, *Eesti-saksa sõnaraamat*, Tartu, 1923, 596. Пожалуй, более интересным является эст. *mine metsa!* — букв. „иди в лес!“ (в смысле „со своими речами“: при нежелании дальше выслушивать собеседника) — выражение, известное по всей Эстонии [сообщил М. Мягер (Таллин)]. Любопытна параллель к этому в шведском языке: *dra åt skogen!* что переводится аналогично эстонскому фразеологизму (*skog* „лес“).

¹⁶ E. Fraenkel, указ. соч., 344.

¹⁷ Вяч. Вс. Иванов, В. Н. Топоров, *Славянские языковые моделирующие семиотические системы (Древний период)*, Москва, 1965, 170.

¹⁸ Там же, 168. Ср. также J. Zubatý, указ. соч., 399.

¹⁹ Ср. „В заговорах в традиционных начальных формулах... более обычными вариантами леса выступают чистое поле... В былинах поле играет часто ту же роль, что лес в сказках...“ (Там же, 175). Вместе с тем, в плане ареального исследования, очевидно, и такая жанровая противоположность может быть источником для изучения языкового противопоставления, поскольку и сами жанры не являются экстерриториальными.

существует „понимание поля как всего, что находится за пределами двора или поселения“²⁰.

Дело в том, что в части говоров эстонского языка в равнозначной роли выступает „лес“ (*mets*). Так, А. Сааресте в своем „аналогическом словаре“ отметил семантические переходы: *mets* (лес) → *karjama* (пастбище), *rõld* (поле)²¹, *mets* ← „*rõld*“²². Это явление автор словаря определил как северноэстонское, указав при этом на распространенность его в ряде южных говоров²³.

По данным общей картотеки эстонского диалектологического словаря (Таллин, Институт языка и литературы АН ЭССР), формы, производные от *mets*, со значением „вне двора, вне территории усадьбы“ употребляются на юге республики (р-ны: Кингисеппский, Пярнуский, Вильяндиский, Йыгеваский, Тартуский, Пыльваский, Валгаский, Вырусский²⁴). См. примеры из говоров вблизи латвийской границы: *ma rià metsa mineme/rügi sidume* „мне придется итти в лес, убирать рожь“ (Каркси); *aja kari mētsa* „гони скот в лес (на пастбище)“ (Харгла), а также *kar'a metsalaškmise päiv* „день выгона скота на пастбище (весной) (Пыльва)²⁵. Ср. в севернопольских говорах: „*Z wjosnó jak b'idło poszjło na pole*“... *Młode b'idło, co pjérszió razó szjło na pole*“... (Любава, Ольштынское воеводство)²⁶.

Таким образом, в современных балтийских и славянских языках, вернее, лучше сказать шире — в области северославянских, балтийских и прибалтийско-финских языков для выражения понятия „пространство вне дома (двора)“ частично употребляются слова, которые в современных языках имеют значение „поле“ и (реже) „лес“ (ср. южнопольское „*na pole*“, литовско-латышское *lauke* — *laukā*, южноэстонское *metsas* и конструкцию *mežā iet*).

Вместе с тем, как показывает этимологический анализ, те же значения („лес“ и „поле“) в исторической перспективе по-видимому имели и другие термины (слав. *вълѣ*, *въпъ*, лит.-лат. *ore* — *āgā*), но вследствие деэтимологизации они утратили эту соотнесенность. Не вызывает сомнения то, что ареальное изучение этих „выветрившихся“ „лесов“ и „полей“ представляет

²⁰ Там же.

²¹ А. Сааресте *Eesti keele mõisteline sõnaraamat*, II, Stockholm, 1959, 879—880.

²² Его же, Указ. соч., III, Stockholm, 1962, 346. Ср. в плане утверждения о существовании такой особенности интересен пример: „*nurmele*“ *asemel meil ei õelda* „*mõtsa*“ (вместо „поле“ у нас не говорят „в лесу“ (там же).

²³ Там же.

²⁴ Письменное сообщение М. Мягера.

²⁵ Там же.

²⁶ *Północno-polskie teksty gwarowe od Kaszub po Mazury*, Kraków, 1955, 49.

большой интерес²⁷. Однако в плане данного разыскания они выражают собой не столько факт семантики, сколько лексики.

1. 2. Для подкрепления своих предположений об этимологии слав. *vъnĕ*, *vъnĭ*, Й. Зубаты обращается к различным аналогиям, подтверждающим антитезу „дом“ — „лес“, и при этом указывает на употребление термина „лесной“ в значении „дикий“ (применительно к животным и растениям) в древнеиндийском, латыни, греческом, а также в латышском²⁸.

В общем плане латышско-финских языковых отношений Я. Эндзелин привел как иллюстрацию независимого развития значений „лат“ *meža zūoss*, лит. *medinė žąsis* и эст. *mets-hani*, финск. *metsä hanhi* „дикий (буквально: лесной) гусь“ (подобно и в ливском...)“²⁹.

Однако лит. *medinė žąsis* по степени своей распространенности на территории Литвы не может быть сопоставлено с латыш. *meža zūoss*, поскольку в качестве основного варианта в говорах литовского языка употребляется определение *laukinis*, букв. „полевой“ — другое, противоположное „лесному“ обозначение понятия „дикий“: вариант, о котором (в связи с непосредственной целевой установкой своего доказательства) не упоминал Й. Зубаты. Ср. латинскую семантическую параллель — *agrestis* „полевой“ и „дикий“ — к лит. *laukinis*, на которую указал Э. Френкель³⁰.

Действительно, термин *medinis* в интересующем нас значении отмечается в северо-западной части Жемайтии (Альседжяй, Моседис)³¹, в говорах литовских рыбаков Куршю Неринги³², и, в основном, на той территории, где выделяется небольшой ареал бытования лексемы *medė* „лес“ (см. ниже карту 1). Более того, единственный имеющийся в нашем распоряжении (по

²⁷ См., в частности, о распространении формы *вонки*: И. С. Козырев, Отношение смоленской областной лексики к лексике соседних говоров и языков, — Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та, XXII, Историко-филологический факультет, Орел, 1964, 185. Об ареале лит. *ore*, *oran* см. ниже (карта №1).

²⁸ J. Zubatý, указ. соч., 398—399.

²⁹ И. М. Эндзелин, О латышско-финских языковых связях, сб. „Памяти академика Л. В. Щербы (1880—1944)“, Ленинград, 1951, 301.

³⁰ E. Fraenkel, указ. соч., 344. Например, в одном из памятников раннего средневековья отмечено след.: *Credidisti quod quidam credere solent, quod sint agrestes feminae, quas silvaticas vocant* (См. W. Mannhardt, *Wald- und Feldkulte*, I, Berlin, 1875, 113), причем считается, что „*agrestis femina*“ является переводом немецкого выражения „*wilde Frau*“ (там же). В этом примере обращает на себя внимание сочетание (этимологически) „полевого“ и „лесного“.

³¹ Данные анкеты. Анкетный сбор материала в Литве проводился относительно только птиц как возможного объекта охоты, о чем см. 1.3.

³² K. Morkūnas, A. Sabaliauskas, *Kuršių Neringos žvejų lietuvių tarmė...*, — LKK II (1959) 145.

анкете) пример из области дзукских говоров — *medzinis* (наряду с *laukinis*) (Канява, Варенского р-на) — находится в пределах ареала форм *medis*, *medžias* (в том же значении). Точно также в целом совпадают и другие термины для обозначения „дикого“ (вопрос анкеты касался общего названия диких птиц) — *miškinis*, *girinis* с наименованием леса — *miškas*, *giria*.

При этом следует обратить внимание и на то, что говоры с терминами *miškinis* и *girinis* также находятся в Жемайтии.

Если в Жемайтии термин *laukinis* употребляется наряду с „лесными“, то остальная территория Литвы — это область его безраздельного господства, что выразилось также и в канонизации „полевого“ как литературной нормы. В этом литовский язык коренным образом отличается от латышского, который в таких случаях, как правило, использует родительный определительный от *mežs* „лес“, аналогично эстонскому и финскому (см. выше)³³.

Напротив, если вернуться, так сказать, к „лесному началу“, то в этом отношении литовский язык обнаруживает еще одну общую особенность с латышским. Так, в песнях Л. Резы (под. № 145) зафиксировано употребление словосочетания „дикая (лесная) птица“ применительно к дикому животному: „*Vilkas, vilkelis, medinis paukštēlis*“³⁴.

Аналогичное явление хорошо известно в южноэстонском диалекте (например: *mežsa lind om suži, geŗrān...* „лесная птица — волк, лиса“)..., а также в ливском языке, что (как в том, так и в другом случае) по мнению финского языковеда Э. Р. Ниви представляет собой семантическое заимствование из латышского языка³⁵. Следовательно и в этом, более частном случае, то, в чем балтийские языки ближе между собой, оказывается, вновь сближает их с прибалтийско-финским языковым миром.

Вместе с тем, не только в прибалтийско-финских языках, но и в смежных с латышским ареалом псковских говорах русского языка определение типа „лесной“, а именно „прилагательное „леший““³⁶ хорошо известно в зна-

³³ Характерно, что из трех локализованных примеров употребление формы *laukābele* (литерат. *mežābele*) в „Дополнениях“ к словарю К. Мюленбаха два относятся к говорам, расположенным вдоль границы с Литвой (Бене и Свитене) J. Endzelīns un E. Nauzenberga, *Papildinājumi un labojumi K. Mūlenbacha „Latviešu valodas vārdnīcai“, I, Rīgā, 1934—1938, 722.*

³⁴ *Lietuvių kalbos žodynas, VII* (рукопись), пример из статьи *medinis*.

³⁵ Подробно об этом см: M. Mäger, *Eesti linnunimetused. Dissertatsioon. Eesti NSV Teaduste Akadeemia, Keele ja Kirjanduse Instituut, Tallinn, 1963, 2—4.*

³⁶ О. С. Мжельская, *Лексика древней псковской письменности в современных псковских говорах, сб. „Лексика в народных говорах Русского Севера“, Ленинград, 1962, 19.*

чении „дикий, не домашний“ (о птицах), „не культивированный“ (о растениях, деревьях).

Таким образом, здесь можно говорить о компактном балто-славяно-финском ареале выражения понятия „дикий“ через „лесной“, которое на территории Литвы находит себе противопоставление в „полевоm“.

Является ли это ориентирование (в смысле стран света) „леса“ и „поля“ достаточным для близлежащих славянских территорий? В какой-то мере, возможно, да. Так, противопоставление „палявыя гусі -свойскія гусі“, по-видимому, было известно в Полоцком (д. Соломирье) и Слуцком р-нах Белоруссии³⁷. Полевой („дикий“) отмечено, например, на Смоленщине³⁸, в ряде русских говоров Прибалтики³⁹, на юге Польши, хотя в северных ее районах говорят как *leśne*, так и *polne maliny* (название земляники)⁴⁰. Вероятно, некоторые из таких противопоставлений могут носить узко локальный характер и не выражать общего значения „дикий“.

1. 3. Подобно тому, как существует зависимость между обозначением пространства вне дома (двора) и дичи, диких животных и т. д., точно также есть связь между названиями последних как объектов охоты и самой охоты. Иногда это выражается непосредственно (ср. венгерск. *vad* „дикий“, *vadászik* „охотиться“), а в области балтийских и славянских языков — исходя из значений „леса“ и „поля“.

Производный характер названия охоты (и соответствующего глагола) от имени со значением „лес“ представляет своеобразную черту балтийских языков на фоне основных индоевропейских⁴¹.

На семантику этих терминов особое внимание обратил К. Буга⁴³.

Исходя из того, что польскому *polować* в литовском языке соответствует *medžioti*, т. е. что в одном случае за основу термина со значением „охотиться“ взято „поле“, а в другом — „лес“⁴², он расценивал это языковое противопостав-

³⁷ В настоящее время в этих местах употребляется термин „дзікія“ (По информации сотрудников института языкознания АН БССР (Минск) Сообщил В. Л. Веренич).

³⁸ В. Н. Добровольский, Смоленский областной словарь, Смоленск, 1914, 649.

³⁹ В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова, Материалы для словаря русских старожильческих говоров Прибалтики. Под редакцией М. Ф. Семеновой, Рига, 1963, 235.

⁴⁰ М. Kucała, Porównawczy słownik trzech wsi małopolskich, Wrocław, 1957, 70—71; Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich, I 2, Wrocław-Warszawa-Kraków, 1964, 36. Разумеется, во всех случаях мы не рассматриваем употребления слова *dziki*.

⁴¹ К. Бак сопоставляет лит. *medžioti*, латыш. *medīt* с испан. *montear* < *monte* „гора“, „лес“ (С. D. Buck, A Dictionary of Selected Synonyms in the Principal Indo-European Languages, Chicago, 1949, 191).

⁴² К. Вūга, указ. соч., 546-550.

⁴³ Там же, 546-547.

ление как один из важных источников для решения вопроса о локализации прародины носителей этих языков. При этом К. Буга обратился также и к данным финских языков, установив общий „лесной“ характер балто-финской терминологии охоты⁴⁴.

Если связь балтийских языков с финскими в области охотничьей терминологии была, как сказано выше, уже отмечена К. Бугой, то общие семантические черты в этой же группе лексики в первую очередь между балтийскими и соседними с ними говорами славянских языков, как кажется, еще не рассматривались.

Вместе с тем на Псковщине в ряде русских говоров Латвии и Литвы, а также на Витебщине засвидетельствован термин *полешня* „охота“⁴⁵. Эта семантическая общность с балтийскими языками тем более заслуживает внимания, что в современном эстонском языке, с которым контактирует как латышский, так и псковские говоры русского языка нет термина, обозначающего название охоты, которое происходило бы от эстонского наименования леса (*mets*)⁴⁶. Следовательно, в настоящее время как о ближайшей можно говорить об ареально-типологической связи (в способе обозначения охоты) балтийских и соседних славянских языков, поскольку те прибалтийско-финские языки, и диалекты, которым свойственна аналогичная особенность⁴⁷, разобщены с рассматриваемым ареалом прежде всего территорией эстонского языка.

Соответствующий глагол *полесовать* („охотиться“), а также *полесник* (название охотника) широко известны современным русским говорам в восточной части Карелии, например: „Старик ушел полесовать“ (с Типицы Медвежьегорского р-на КАССР)⁴⁸, а употребление глагола *лесовать* (значение то же) зафиксировано в лексикографических трудах по северной

⁴⁴ Там же, 550.

⁴⁵ По материалам Картотеки Псковского областного словаря (Ленинград): Опочецкий р-н, д. Есенники и Новоржевский р-н (последнее из Архива Географического Общества, рукопись 32, опись 1, 5, 1847, Пск. губ. и 8, 1848, Н-Рж.). Картотека Псковского областного словаря (Псков): Пушкиногорский р-н, д. Молчаново. В. Н. Немченко, А. И. Сеница, Т. Ф. Мурникова, Материалы для словаря... Рига, 1963, 236. Ср. также *палешня* (Сураж Суражского р-на) — М. И. Касьпяровіч, Віцебскі краёвы слоўнік (матар'ялы), Віцебск, 1927, 225.

⁴⁶ Приводимый в ряде словарей эстонского языка (начиная со словаря Ф. Видеманна) глагол *metsastama*, не зафиксирован в картотеке словаря эстонских говоров (Таллин), и по мнению проф. И. Вески и П. Аристэ является литературным заимствованием из финского языка.

⁴⁷ См., например, J. Kujola, *Luudiläismurteiden sanakirja*, Helsinki, 1944, 235.

⁴⁸ Письменное сообщение Е. Ф. Теплова (Петрозаводск).

и олонечкой группе северно-великорусских говоров⁴⁹. По-видимому, названные термины необходимо изучать во взаимосвязи с аналогичными по семантическому способу образования терминами охоты в соседних финских языках, прежде всего, в карельском⁵⁰.

Таким образом, можно было бы выделить, с одной стороны, балто-, а с другой — финно-славянский ареалы в названиях охоты и т. п. Однако псковско-витебское *полешня* и карельское (олонечское) *полесник*, *полесовать*, обнаруживая, помимо семантического, также и общий словообразовательный тип (приставка *по-*), позволяют говорить о взаимной связи славянских частей обоих ареалов, а, следовательно, уместно говорить о двух разобщенных частях балто-славяно-финского семантического ареала.

В отличие от „леса“ как исходной идеи при образовании терминов охоты, „поле“, выступая в той же роли, не предоставляет столь разнообразного материала. В дополнение к сказанному К. Бугой (см. выше), здесь следует указать на распространенность соответствующей терминологии в говорах белорусского (*паляваць*, *паляване*) и украинского (*полювати*, *полювання*) языков. Более того, значительная часть говоров литовского языка, расположенных вдоль границы с Белоруссией, также употребляет слова *paliavoti* (*paliujt*), *paliavonė* и т. п. (см. карту № 1), что, конечно, еще не свидетельствует в пользу существования в литовских названиях охоты противопоставления „леса“ и „поля“.

Ни литовскому, ни латышскому языку образования типа слав. *полевать* в значении „охотиться“ неизвестны. В этом отношении балтийский лексикон остается чисто „лесным“.

2. Возможно ли на основании трех представленных выше языковых воплощений противопоставления „лес“ — „поле“ представить действительную географию типов ландшафта тех территорий, которые занимают или занимали обсуждаемые языки? Этот вопрос не кажется настолько простым, чтобы можно было ограничиться альтернативным ответом.

Прежде всего в каждом случае необходимо уяснить степень семантической абстрагированности того или иного производного — названия пространства вне дома (двора), диких птиц (животных) или охоты — от действительного, так сказать, натурального значения „леса“ и „поля“. Так,

⁴⁹ А. Подвысоцкий, Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении, Спб, 1885, (уезды: Архангельский, Холмогорский, Пинежский, Мезенский, Шенкурский, Онежский); Г. Куликовский, Словарь областного олонечкого наречия, в его бытовом и этнографическом применении, Спб., 1898, 51 (Петрозаводский уезд).

⁵⁰ Ср., в частности, *metšästai* „охотник“ при *metšä* „лес“ (P. Pohjanvalo, *Salmin murteen sanakirja*, Helsinki, 1947, 84).

лит. *laukan* в связи с адвербиализацией оказалось семантически изолированным от *laukas*⁵¹, латинский язык применяет термин *silvestris* относительно „и тех растений и животных, которые в позднейшие времена в лесах даже не бывают“⁵², и, наконец, современное употребление „лесных“ и „полевых“ глаголов со значением „охотиться“ типа латыш. *medīja pa laukiem* и белор. *пулював по лесах*⁵³, казалось бы, совершенно исключает их первоначальную семантику.

Более того, в ряде случаев можно говорить о том, что семантический отход от первоначального термина („лес“ или „поле“) произошел не на стадии образования различных дериватов, а в самой основе. Примером этого может служить слово *поле* не в значении безлесной равнины или же обрабатываемой земли, а в смысле термина охоты⁵⁴. Очевидно, аналогичные сдвиги в значении исходного слова имеют место и в отношении леса, когда уже это название без всякого дополнительного оформления становится термином охоты. Ср. *полесье* как название лесистой местности и *полесье* „охоту“ в северной и олонекской группах северно-великорусских говоров⁵⁵, лит. *mėdė* „лес“ и *mėdė* „охота“ в западноаукштайтском говоре м. Шакяй⁵⁶. Надо полагать, что именно от этих имен со значением „охота“, а не непосредственно от „леса“ и „поля“ (в их собственном значении) происходят глаголы типа лит. *medžioti*, лат. *medīt*, слав. *полевать* и др. Ср. упоминавшийся выше глагол *полесовать* (в русских говорах Карелии), который непосредственно указывает на *полесье*.

Следует предполагать, что и в других случаях — выражение понятия „дикий“, а также пространства вне дома (двора) — мы тоже имеем дело не с непосредственным „лесом“ или „полем“, а с некоторым его семантическим отпочкованием при неизменности морфологического облика, что и создает впечатление о прямой соотнесенности с натуральными объектами. Так, весьма вероятно, что более абстрактное понятие „вне дома“ (типа польск. *na polu jest zimno*) является производным от более конкретного значения

⁵¹ А. Laigonaitė, *Vietininkų reikšmė ir vartoseną dabartinėje lietuvių kalboje*, Vilnius, 1957, 49.

⁵² J. Zubatý, указ. соч., 399.

⁵³ Примеры взяты из картотек (соответственно) латышского (Рига) и белорусского (Минск) литературных языков.

⁵⁴ „В разговорном охотничьем языке... полем называется вообще занятие охотой. Так, например, отправляясь на охоту, вы говорите, я иду в поле. Если, выйдя на охоту с товарищами, вы выстрелите первый и удачно по птице, то вас наверное поздравят с полем и т. д.“ (С. И. Романов, *Охотничий словарь*, 1–2, Москва, 1876–1877, 314).

⁵⁵ По данным О. С. Мжельской. См. указ. соч., там же.

⁵⁶ Данные Пр. Скарджюса. См. E. Fraenkel, указ. соч., 424.

„вне усадьбы, вне поселения“, но все же не от первоначального поля („безлесная местность“ и т. п.).

Суть вопроса заключается в том, что в одних языках большую способность к семантическому расширению обнаруживает „лес“, а в других — „поле“. Ср. помимо трех основных рассмотренных противопоставлений (пространство вне дома и т. д.) факт расширения семантического значения термина „лес“ в эстонско-шведском выражении типа „убирайся в лес!“ (см. I.I). Очевидно в славянской языковой области можно найти новые примеры расширения значения „поле“.

Именно в этой общей семантической расширяемости „леса“ и „поля“ и следует искать отражения той географической среды, в которой жил и живет данный народ, а также его соседи.

Действительно, вопросы, связанные с противопоставлением „леса“ и „поля“ могут быть адресованы к различным эпохам — не только к дописьменной, на что, кстати, указывают и некоторые семантические общности (явно позднего происхождения) на стыке славянского и финского миров. А если это так, то нельзя считать безосновательной попытку соединить хотя бы в самых общих чертах „географию слов“ с „географией вещей“. Ср. на рассматриваемой территории языковое уменьшение „леса“ и нарастание „поля“ в направлении от карельской и финской тайги до украинской лесостепи (см. карту № 2)⁵⁷.

Известно, какое значительное внимание в индо-европейском и финно-угорском языкознании уделяется изучению названий деревьев в плане сопоставления их ботанических и лингвистических ареалов (с проекцией на историю). В этом смысле „лес“ и „поле“ являются слишком общими понятиями для построения таких „двойных“ ареалов. И все же, перефразируя пословицу, можно сказать, что за „деревьями“ и „лес“ должен быть виден.

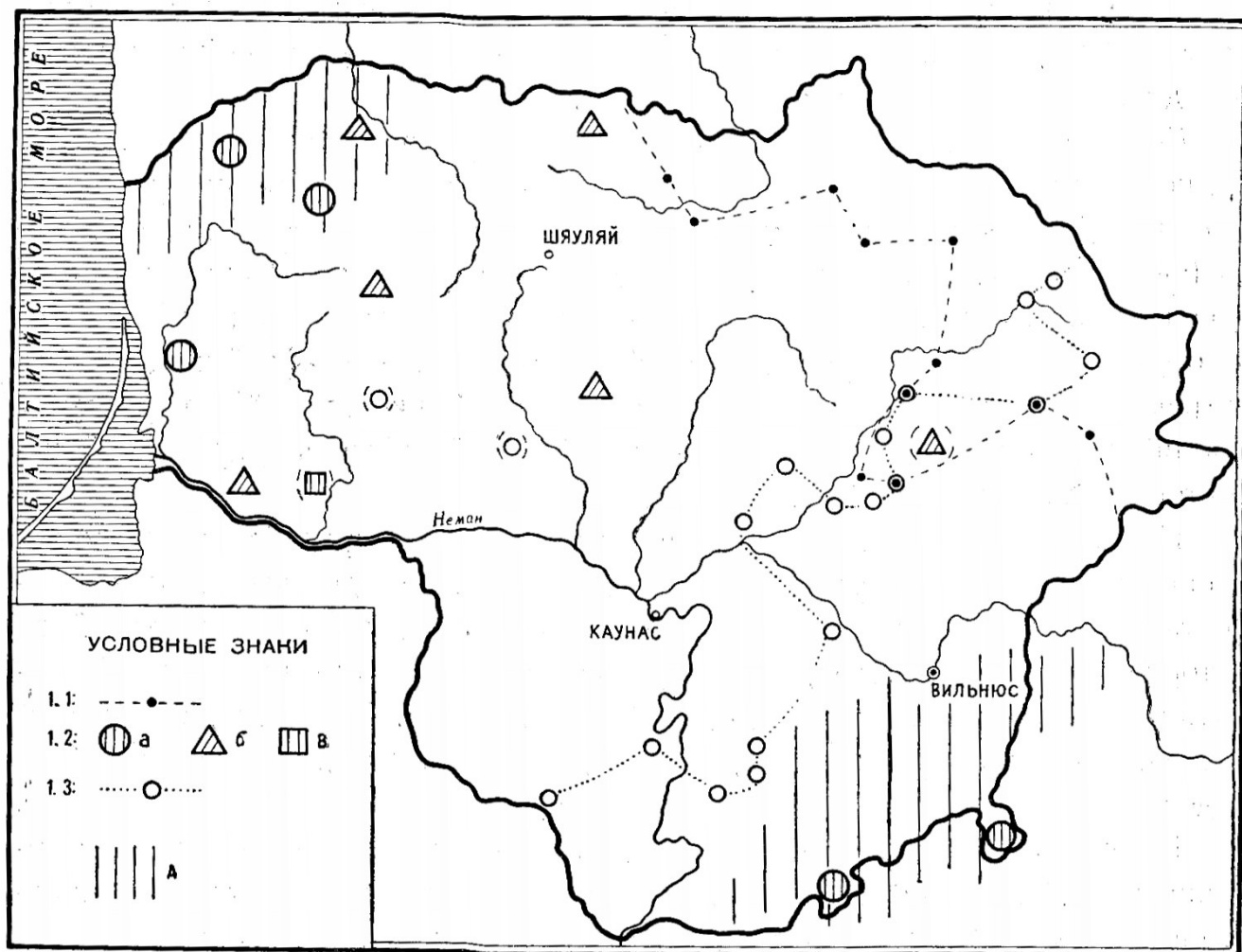
Различные рассмотренные здесь виды семантического противопоставления „леса“ и „поля“ следует рассматривать как опосредствованное отражение названий ландшафта в балто-севернославянской языковой области.

3. За исключением вопроса „пространство вне двора, усадьбы или поселения“, все остальные вошли в программу общеславянского лингвистического атласа⁵⁸. Об их взаимосвязи говорить уже не приходится: она

⁵⁷ Ср. понижение лесистости территории (в %) от Финляндии и Карелии до Литвы, правда, со значительным повышением в центре Белоруссии (по данным Weltforstatlas, Hamburg, 1951, приведенным в сб. „География лесных ресурсов земного шара“, Москва, 1960, рис. 26 и 32).

⁵⁸ Ср. „На улице“ и „на улицу“, „дикое животное“ и „дикий“, „охота и охотник“ (Вопросник общеславянского лингвистического атласа, Москва, 1965, 209, 77, 154).

очевидна и, безусловно, найдет свое отражение в названном атласе. Важно подчеркнуть другое: до сих пор вопрос о месте балтийских языков в общеславянском лингвистическом атласе все еще только „требуется специального обсуждения“⁵⁹. А между тем из всего рассмотренного выше отчетливо видно (см., например, карту № 1, где, в частности, указано распространение глагола *paliavoti* в говорах литовского языка) насколько беднее будет общеславянский лингвистический атлас без привлечения материалов балтийских языков.

Карта № 1. Выражение значений „вне дома“, „дикий“ (о птицах) и „охотиться“ в литовском языке

1. 1. „вне дома“ — oran, ore; 1. 2. „дикий“: а — medinis, б — miškinis, в — girinis; 1. 3. „охотиться“ — paliavoti (paliujt). А — mēdė, mēdis, mēdžias.

⁵⁹ С. Б. Бернштейн, Неславянские языки в общеславянском лингвистическом атласе, — Общеславянский лингвистический атлас (Материалы и исследования), Москва, 1965, 47. О высказываниях по этому вопросу см.: А. П. Непокупный, Ареальные аспекты балто-славянских языковых отношений, Киев, 1964, 9–10.

Более того рассмотренные явления убеждают в том, что при изучении общих черт между славянскими и балтийскими языками настоятельно необходимо обращение к прибалтийско-финским языкам и что действительно на нынешнем этапе развития языкознания должно быть возобновлено исследование грамматических и лексико-фразеологических соотношений между финскими, балтийскими и славянскими языками, удачно начатое почти столетие назад датским лингвистом В. Томсеном⁶⁰.

Примечания к карте № 1.

Источниками для карты № 1 послужили специальные анкеты, проведенные среди студентов Вильнюсского университета, Вильнюсского и Шяуляйского педагогических институтов, в результате которых было получено по вопросам: пространство „вне дома“, „дикий“ (о птицах) и „охотиться“ соответственно 75, 116 и 183 ответа. Эти сведения частично были дополнены данными из других источников (см. в тексте).

1. 1. К юго-западу от изоглоссы употребляется как *laũk(an)*, *laũke*, так и *ogaĩ*, *ogè*. В двух районах (Капсукас, Укмярге) *ogaĩ*, *ogè* охарактеризовано как архаическое.

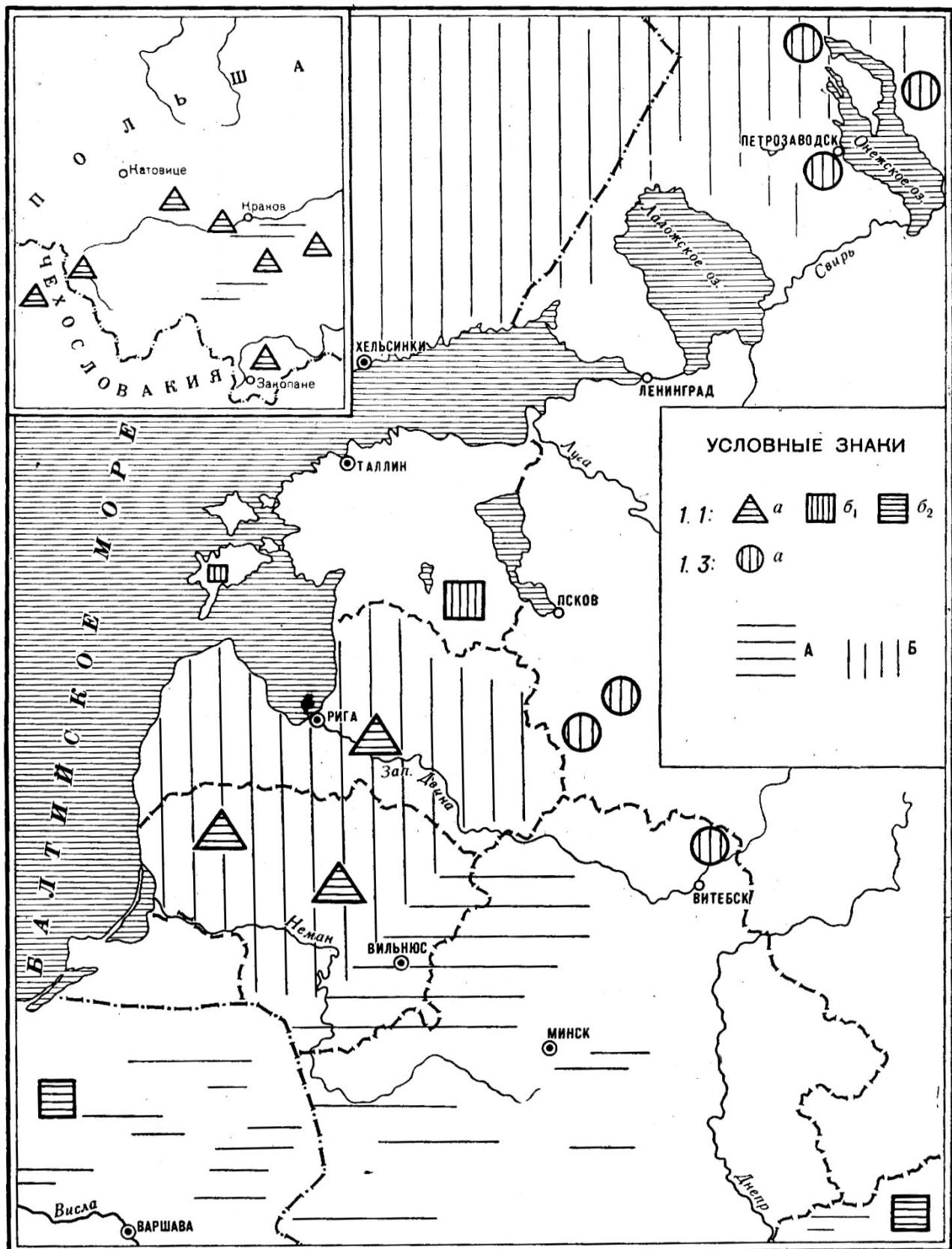
1. 2. В остальных ответах — *laukinis*. В двух случаях отмечается *dykas* (Кайшядорис, Расяйняй), например, *dyka antis*. Скобки обозначают употребление наряду с *laukinis*.

1. 3. К северо-западу от изоглоссы — *medžioti*. В скобках — *paliavoti* параллельно с *medžioti*. Во многих ответах отмечена архаичность *paliavoti*. В двух районах указан глагол *strielčiauti* (Капсукас, Каунас). В ряде говоров (райцентры: Биржай, Укмярге, Утяна) разграничиваются: *medžioti (vilkus)* — *šaudyti (antis)*.

А — по данным из материалов к диалектологическому атласу литовского языка (карта № 94) — *mėdė*, *mėdžias*, а также из подготовленного к печати очередного тома „Словаря литовского языка“ — *mėdis* („лес“).

1. 1. — 1. 3: окружности и точки — в местах нахождения населенных пунктов (говоров).

⁶⁰ В. А. Ларин, Об одной славяно-балто-финской изоглоссе, — ЛКК VI (1963) 106.

Карта № 2. Выражение значений „вне дома“, „вне двора“ и „охотиться“ в балтийских, севернославянских и прибалтийско-финских языках.

1. 1.: а — „вне дома“ = „в поле“ (лит. *laukė*, латыш. *laukā*, польск. *na polu*), б₁ — „вне двора“ = „в лесу“ (эст. *metsas*), б₂ — „вне двора“ = „в поле“ (польск., укр.).

1. 3.: а — „охота“ — полешня (псков., витебск.), „охотиться“ — полесовать (карел., олонец.). А — „охотиться“ = „полевать“. Б — „охотиться“ = „лесовать“.

Примечания к карте № 2.

Источниками для карты № 2, помимо уже отмеченных в примечаниях к карте № 1, являются (в отношении глагола „охотиться“): анкета среди студентов Латвийского университета (70 ответов), Картотека Псковского областного словаря (Ленинград и Псков). Картотека словаря польских говоров (Краков), а также Картотека словаря эстонских говоров (Таллин). Другие источники указаны в тексте.

1. 1. а — локализованы условно, следует понимать: на всей территории; б₂ — в восточном Полесье, здесь — условно.

1. 3. А — пограничье с Литвой — условно, в остальных случаях — по имеющимся материалам. Б — территория Финляндии и Карелии — условно, Латвия и Литва — по данным анкет. В Латвии, помимо общераспространенного *medīt* отмечено *gēyeret* (Плаубере, Цесис), *jaktet* (Кулдига, Валтайки), *šaut* (Огре), *lavīt*.

Институт языковедения А. А. Потебни АН УССР, Киев

BALTISCH-NORDSLAVISCHE AREALSTUDIEN

„Wald“ und „Feld“ in Benennungen des Raumes außer Haus (Hof), wilder Vögel (Tieren) und der Jagd

Zusammenfassung

Die semantischen Ableitungen von den Wörtern mit den Bedeutungen „Wald“ und „Feld“ werden in verschiedenem Maß zum Ausdruck der genannten Begriffe gebraucht.

In den baltischen und slavischen Sprachen wird das Wort „Feld“ zum Ausdruck des Begriffs „außer Hof“ (außer Grenze des Hofes) gebraucht, in den südlichen Mundarten des Estnischen — aber das Wort „Wald“. Dem Ausdruck „jagen“ liegt in den baltischen Sprachen „Wald“ zugrunde, in der ganzen Reihe der nordslavischen Sprachen (belorussischer, polnischer, ukrainischer) — das Wort „Feld“. Ähnlicher Weise steht es mit den baltisch-finnischen Sprachen, und auch mit einigen russischen (belorussischen) Mundarten, die sowohl an die baltischen als auch an die finnischen Sprachen angrenzen. In einigen Sprachen erweiterte sich mehr die Wortbedeutung „Wald“, in anderen — „Feld“. Teilweise steht es mit den Bedingungen der geographischen Umgebung in Verbindung.